

и глаголы, которымъ Онъ поучаетъ тайнамъ царствія Небеснаго.

Завтрашній день, братіе, есть оный приснопамятный день, когда Спаситель нашъ Іисусъ Христосъ въ ночь предъ своими страданіями установилъ святѣйшее таинство евхаристіи. Итакъ, приступая къ божественнымъ тайнамъ, помышляй въ себѣ еще и сіе, что ты какъ-бы находишься въ Сіонской горницѣ, присутствуешь при таинственной вечери Христа сосвятыми апостолами и слышишь исходящія изъ Его Божественныхъ устъ словеса: *Пріимите, ядите, сіе есть тѣло Мое, еже за вы ломимое во оставленіе грѣховъ, пійше отъ нея вси, сія есть кровь Моя новаго завета, яже за вы и за многія изливаемая во остановленіе грѣховъ* (Матѣ. 26,—28.)

Приступай со вѣрою и любовію, приступай со страхомъ и трепетомъ; не дай лобзанія Христу какъ Іуда, но какъ разбойникъ исповѣдай Его: *помяни мя, Господи, во царствіи Твоемъ.* Аминь.

Слово при отпѣваніи тѣла священника о. Петра Малышева*).

(о многотрудности и многоскорбности пастырекаго служенія и смерти, какъ дѣйствительномъ упокоеніи).

„Почто мене рыдаете люто о человѣцѣ? Почто сиче мятетеся? преставленный всѣмъ провѣщаетъ: смерть бо есть всѣмъ упокоеніе“.

Едва минуло два года и Господь изъ среды іереевъ града сего опять призвалъ къ себѣ служителя своего. Едва минуло два года и взору нашему предоставлено новое торжественное но вмѣстѣ и печальное зрѣлище,—предлежитъ опять тотъ кто не такъ давно священнодѣйствовалъ въ семъ храмѣ, собираясь съ послѣдними силами, слѣзши въ дома прихожанъ для удовлетворенія ихъ духовныхъ нуждъ, и предлежитъ онъ нынѣ бездыханенъ и безславенъ. Едва минуло два года и лишь смолкли стоны вдовъ почившихъ въ семъ градѣ священнослужителей, осушились нѣсколько очи ихъ отъ слезъ, стихли вздохи мірянъ

*) См. № 7 „Заб. Епарх. Вѣд.“ 1901 г.

о своихъ почившихъ пастыряхъ и смолькъ отчасти говоръ о кончинѣ ихъ, какъ снова слухъ нашъ поражается рыданіемъ убитой гсремъ вдовы почившаго іерея и чадъ его, какъ снова сердце наше раздирается отъ ихъ тяжелыхъ вздоховъ, какъ снова паства опечалена утратой дорогого пастыря.

— Да, опять скорбимъ, сокрушаемся, жалѣемъ о возлюбленномъ и глубокоочтимомъ іереѣ, о. Петрѣ, сокрушаемся, что онъ еще не пожилъ съ нами, оставивъ насъ, жену и чадъ своихъ... Скорбь ужасная! Но, скажу, не безъ утѣшная. И кто же насъ утѣшитъ въ ней?!.... Утѣшитъ самъ почившій.

Прислушаемся что говорятъ душа его словами одной церковной пѣсни.

„Почто мене рыдаете люто, о человѣцы? почто сице мятетеся? Смерть бо есть всѣмъ упокоеніе“. Дѣйствительно, кажется, всякій преставленный могъ бы сказать сіе въ утѣшеніе скорбящихъ о немъ. Но особенно полично слышать сіе отъ почившаго пастыря церкви.—Вдумаемся хотя краткое время, какъ многотрудно и многоскорбно служеніе пастырей вообще и почившаго въ частности и мы вполнѣ убѣдимся въ истинности высказанной мысли.

Одинъ изъ знаменитѣйшихъ іерерховъ русской церкви митрополитъ Кіевскій Филаретъ говорилъ: „истинное пастырство всегда было и есть въ своемъ смыслѣ священномученичество.“ — И въ самомъ дѣлѣ, —отъ пастыря требуется руководство душъ ко спасенію. Но постоянно наставлять словесныхъ овецъ и встрѣчаться при этомъ съ везвозможными предразсудками, суевѣріями, упорнымъ сомнѣніемъ, растлѣнными понятіями вѣка и міра сего, лежащаго во злѣ—тяжелый трудъ. Борются съ противорѣчіями, недовѣріемъ, холодностью къ всему религіозному—не малое страданіе. Къ тому же пастырь совершаетъ часто сей подвигъ, забывъ свой покой, слабость силъ, а иногда совершенное переутомленіе. Иначе можетъ подвергнуться величайшей ответственности предъ Богомъ за погибшія души.

И это рлзвѣ не подвигъ самоотверженія, и самоотрѣченія достойной мученика? Онъ долженъ, далѣе, встрѣчаться по долгу

службы почти ежедневно съ горемъ людскимъ во всей его наготѣ,—видѣть тяжкія болѣзни, сиротство, вдовство, холодъ и голодъ многихъ изъ паствы своей. Развѣ это не мученіе?!

А что перечувствуетъ, преиспытаетъ душа пастыря при испытаніи совѣти посомыхъ во время исповѣди? Съ увѣренностью можемъ сказать, что пастырь сокрушается о каждомъ грѣхѣ кающагося неменѣе его самого. Скорбь эта особенно бываетъ велика, когда кающійся не обѣщаетъ отстать отъ какого либо тяжкаго грѣха, особенно грѣха открытаго. Какъ разрѣшить такого грѣшника?!..... Вообще замеченіе отдѣльныхъ ли лицъ, цѣлыхъ ли семействъ и обществъ въ какомъ либо грѣхѣ, нехристіанскій образъ жизни ихъ—особенно больны пастырю церкви. И страданіе усугубляется не рѣдко тѣмъ, что пастырь не знаетъ, какъ дѣйствовать для устраненія зла. Дѣйствовать ли кроткимъ вразумленіемъ и лаской или строгостью. Если быть строгимъ, то какъ бы не ожесточить исправляемаго; если убѣждать кроткими мѣрами, то какъ бы не явить поблажку ему. И вотъ часто остается одно: молиться предъ престоломъ Всевышняго, чтобы самъ Господь воздѣйствовалъ на ожесточившуюся душу грѣшника. Да, такъ велико и исполнено скорбей служеніе пастырей. Но и этого нерѣдко бываетъ не достаточно. Скорби сіи часто безмѣрно увеличиваются поношеніями, нарѣканіями, обвиненіями, рѣзко и смѣло расточаемыми на служителей церкви въ обществѣ устнымъ словомъ и печатью. Тутъ уже больно особенно то, что оскорбляется не только достоинство человѣческое или отдѣльная личность, но поносится санъ и званіе. Часто подъ видомъ благочестія и личной ревности по немъ хулятъ служителей вѣры, а чрезъ то унижаютъ и самую вѣру.—

Все это лежало и на твоихъ нѣкогда могучихъ плечахъ, возлюбленный о Христѣ нашъ почившій собратъ. Мало этого! Скорби сіи въ твоей жизни и твоемъ служеніи въ значительной мѣрѣ были усугублены. Лютая болѣзнь довѣршила ихъ; продолжительныя тяжкія страданія преждевременно уложили тебя въ постель. Вслѣдствіе этого выпало на долю твою нѣсколько мѣсяцевъ страдать и страдать не только отъ болѣзни тѣлесной,

но и отъ сознанія тяжелой, горькой участи семьи твоей въ случаѣ кончины твоей, страдать и отъ многого другого.... Но довольно! Я не въ силахъ изобразить вполне твоихъ скорбей. Ихъ больше можно перечувствовать, чѣмъ описать. Онѣ вилки, много—различны и не выразимы! Едва ли можно было имъ предвидѣть когда либо конецъ. И вотъ только смерть положила имъ предѣлъ для тебя. Она дѣйствительно явилась твоимъ упокоеніемъ. Ничто теперь не тревожитъ покоя твоего. Она положила предѣлъ всѣмъ печалямъ и горестямъ житейскимъ. Потому то ты и вѣщаешь намъ изъ гроба: „почто мене рыдаете люто, о человекъцы? Почто сиде мятетеся?.... Смерть бо есть всѣмъ упокоеніе“.—Слышимъ вѣщаніе твое, слышимъ и успокоиваемся. Успокаиваемся особенно въ той надѣждѣ, что твоя глубококадушевная исповѣдь, сокрушеніе о грѣхахъ, надежда на Божье милосердіе, принятіе св. Христовыхъ Таинъ, которыми ты папужествовалъ себя предъ кончиной, молитва собратій, сродниковъ и знаемыхъ духовныхъ чадъ твоихъ сильны содѣлать тебя послѣ сей временной, исполненной скорбей жизни наследникомъ другой вѣчной и блаженной жизни *идъже пльсть болъзни, печали и въздыханія*.—И такъ, отцы и братіе, оставимъ вопль, рыданіе и плачь много. Они по увѣренію почившаго суетны и не нужны для него. Будемъ лучше молить Господа, чтобы надежда наша не была суетна, чтобы Пастыреначальникъ нашъ Христосъ не тронулъ пастыря своего, но сосвѣтлыми упокоилъ его Аминь.

Свящ. С. Ст.

Письмо графини С. А. Толстой къ Митрополиту Антонію.

Ваше Высокопреосвященство

Прочитавъ вчера въ газетахъ жестокое распоряженіе Синода объ отлученіи отъ церкви мужа моего, графа Льва Николаевича Толстого, и увидавъ въ числѣ подписей пастырей церкви и вашу подпись, я не могла остаться къ этому вполне равнодушна. Герестному негодованію моему нѣтъ предѣловъ. И не сточки зрѣнія того, что отъ этой бумаги погибнетъ духовно мужъ мой: это не дѣло людей, а дѣло Божье. Жизнь души человѣческой, съ